

ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА АЛЕКСЕЕВА
специалист Web-лаборатории филологического факульте-
та, Петрозаводский государственный университет (Пет-
розаводск, Российская Федерация)
lempi@mail.ru

ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ МИР РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ИЗОБРАЖЕНИИ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО (на материале романа «В лесах»)*

Рассматривается образ патриархального мира, воплощением которого для П. И. Мельникова-Печерского были старообрядцы, в его зрелом творчестве. В романе Мельников-Печерский отходит от сложившейся в литературе обличительно-сатирической традиции изображения старообрядчества, но не в полной мере. На художественном материале показана двойственность взглядов писателя: стремление выявить как положительные, так и отрицательные стороны старообрядчества. На примере положительных образов старообрядцев в скитах и в миру в романе выражена мысль о необходимости сохранения духовных ценностей, традиций, веры предков. Делается вывод о том, что патриархальный мир, представленный в романе, – мир, уходящий в прошлое. Мельников-Печерский предостерегает о возможной потере духовности, но возлагает надежды на сохранение такого бережного отношения к древней культуре предков, как у старообрядцев.

Ключевые слова: П. И. Мельников-Печерский, русское старообрядчество, традиции, духовные ценности, патриархальный мир

В романе П. И. Мельникова-Печерского (1818–1883) «В лесах» (1871–1874) выразилось стремление русской литературы этого периода изучить основы духовной жизни русского народа. По словам исследовательницы Н. Г. Дергуновой, «подобно своим современникам: Н. С. Лескову, Л. Н. Толстому, В. Г. Короленко – Мельников-Печерский исследует национально-культурные и религиозные ценности, укорененные в народном сознании» [5; 299].

Стараясь постигнуть сущность народного характера, веры, традиций, П. И. Мельников-Печерский в романе обращается к миру заволжского старообрядчества. К проблемам старообрядчества в творчестве П. И. Мельникова-Печерского обращались такие исследователи, как П. С. Усов [11], Л. А. Аннинский [1], В. Ф. Соколова [8], [9], В. В. Боченков [2], [3], И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин [6], Е. В. Гневковская [4], Н. Г. Дергунова [5], С. С. Царегородцева [12] и др. С жизнью и историей старообрядцев он был знаком, проведя детство в окруженном скитами г. Семенове Нижегородской губернии, путешествуя по Волге, Уралу, Сибири, где сохранялись патриархальные отношения, допетровский жизненный уклад, занимаясь в архивах изучением старообрядческих книг, рукописей, преданий и легенд, затем будучи чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе. Несмотря на то что в 40-е годы XIX века П. И. Мельников-Печерский был признан главным знатоком старины, старообрядческого патриархального мира, он не был однозначным защитником ни домостроевского уклада, ни самого старообрядчества. В своих ранних художественных произведениях 50-60-х годов («Поярков», «Гриша») писатель придер-

живался обличительно-сатирической традиции, сложившейся по отношению к старообрядцам в русской литературе еще в XVII веке. Исследователь В. В. Боченков считает, что основополагающие принципы этой традиции были заложены еще Симеоном Полоцким, а затем продолжены в XVIII веке Феофаном Прокоповичем и Димитрием Ростовским [3; 439]. Однако к моменту написания романа «В лесах», первой части дилогии «В лесах» и «На горах», автор отходит от традиционного резко отрицательного изображения старообрядчества, но и не идеализирует его.

В своем стремлении познать источник духовной жизни народа, «на память грядущим родам “предать письмени” о том, как русские люди жила в старые годы» (цит. по: [7; 211]), П. И. Мельников-Печерский погружает читателя в мир старообрядцев Верхнего Заволжья: «Старая там Русь, исконная, кондовая. С той поры как зачиналась земля Русская, там чуждых насельников не бывало. Там Русь сысстари на чистоте стоит, – какова была при прадедах, такова хранится до наших дней»¹. Неоднократно в романе указывается на то, что именно старообрядцы были бережными хранителями древней русской культуры, допетровского жизненного уклада, старинных обычаев, веры предков, преданий и легенд. Это и сказания о тропе Батыевой, о невидимом граде Китеже на берегу Светлояра, и чудеса о святых преподобных, и предания о становлении обителей в заволжских лесах (2; 315, 322), живущие в памяти не одного поколения старообрядцев, и древнерусские иконы (чудотворная икона в Шарпанской обители, охраняющая скиты от гибели) (3; 170). О заслугах старообрядцев в сохранении памятников

древнерусского искусства прямо говорится в авторском повествовании о Комаровской обители: «Старообрядцы, не жалея денег, спасали от истребления неоцененные сокровища родной старины, собирая их в свои дома и часовни», а «доброхотные датели» и «невежественные настоятели», по выражению автора, сбывали драгоценную старину как ненужный хлам и приобретали заморскую утварь в новом вкусе (2; 328). Эти святыни отмечены Божьей милостью, потому незыблемы: «Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа. Скрылся он чудесно, Божьим повеленьем... Не допустил Господь басурманского поруганья над святынею христианскою» (2; 7). Тем самым автор утверждает, что в основе мировосприятия старообрядцев лежат исконные православные ценности. Среди них – герои многочисленных преданий, святые преподобные, праведники, деятели старообрядчества и др. (прав. Иов Многострадальный, преп. Макарий, преп. Моисей Мурин и преп. Варлаам, отец Софонтий), служащие примером в своем подвижничестве для старообрядцев и будто оправдывающие своим подвигом все их лишения и тяготы.

Мир скитов – патриархальный мир, регламентированный строгими уставами обители, мир, где соблюдение обряда, следование традициям, религиозный долг становятся целью человеческой жизни, ради которой следует отречься от всего личного, как бы трагично при этом ни складывались судьбы героев. Крайнее проявление такой самоотверженной веры в романе – настоятельница Комаровской обители Манефа, заслужившая во всех керженских и чернораменских скитах славу великой «ревнительницы древлего благочестия», «крепкого адаманта старой веры»: «Обительские заботы, чтение душеполезных книг, непрестанные молитвы, тяжелые труды и богомыслие давно водворили в душе Манефы тихий, мирный покой. Не тревожили ее воспоминания молодости, все бывшее покрывалось забвением» (2; 187). П. И. Мельников-Печерский преклоняется перед самопожертвованием героини во имя религиозного долга, сохранения традиций обители, стариной, бытом которой любит. В ней жизнь размеренна, слаженна под управлением рассудительной игуменьи. Но автор и не идеализирует скитский мир. Игуменья подавляет в себе живые чувства, рождаемые воспоминаниями о былой молодости, любви (см.: т. 2, ч. 1, гл. 13). Она и дочь свою, озорную Фленушку, призывает повторить ее путь, принять постриг и игуменство в молодости. Таким повтором судеб героев-старообрядцев П. И. Мельников-Печерский показывает неизменность жизни в своем укладе, раз и навсегда утвержденном предками. Все повествование о старообрядцах, по словам исследовательницы С. А. Тарасовой, связано идеей «об исконности

установленных “порядков” на Руси, о единстве духовных ценностей» [10; 83].

Патриархальный мир русского старообрядчества представлен в романе не только скитскими, но и мирскими жителями из старообрядческой среды, хранящими завещанный предками старинный уклад (Дарья Никитишна, Груня, Гаврила Маркелыч Залётов, Иван Григорьевич Заплатин). Купец Залётов, «домовладыка старорусского завета», живет по совести, помогает нищим, поддерживает скиты (т. 2, ч. 2, гл. 4). Жизнь патриархальной семьи Залётова подчинена домостроевскому укладу. Он хозяин, всему голова: «Воля Гаврилы Маркелыча была законом, малейшее проявление своей воли у детей считал он непокорством, непочтеньем, влекущим за собой скорую и строгую расправу» (2; 368). На примере судьбы любимой дочери Залётова Марьи Гавриловны проявляется отношение автора к слепому подчинению домостроевским обычаям. Деспотизм отца, потеря возлюбленного, обиды от нелюбимого мужа, новая любовь в лице корыстного Алексея Лохматого – вот те испытания, которые проходит Марья Гавриловна, при этом сохраняя нравственную чистоту, веру, любовь к жизни. Осознание многовековой правды, духовных ценностей приходит к ней после беседы с знахаркой, которая убеждает ее в том, что счастье – в смиреннии и любви к ближнему (4; 18). Дарья Никитишна и Груня также проходят сложный жизненный путь обретения счастья через верность в жизненных испытаниях христианским заповедям добра и любви. Это образы героев-старообрядцев однозначно положительные в романе. На их примере показано, как можно обрести душевную гармонию, счастье, оставаясь верным духовным ценностям патриархального мира.

Пожалуй, главным носителем ценностей патриархального мира является старообрядец Патап Максимыч Чапурин. Его образ неоднозначен. Патап Максимыч «старинки придерживался, раскольникчал, но закоснелым изувером никогда не бывал» (2; 13). Это и крепкий старовер не в одном поколении, построивший жизнь своей семьи по патриархальному укладу, при этом отстраняющийся от старообрядческих догм, иронизирующий над скитниками и скитницами, это и умелый предприниматель, богат, но щедрый, умно распоряжающийся своим состоянием, гордый, высокомерный, когда задевают его самолюбие, но уважающий человеческое достоинство других. Дом Чапурина, ухоженный, добротный, всегда гостеприимный, с богатыми пирами по большим церковным праздникам, каких не бывало во всей округе, свидетельствует о слаженном, веками проверенном бытовом укладе. Чапурин – настоящий хозяин в семье, и дочерей воспитал в строгости, но в любви, в уважении к старинным обычаям. Но он не приемлет внешней обрядо-

сти, догматов веры, не подкрепленных внутренним осознанием их сущности: «...частенько трунил над теми ревнителями старого обряда, что покрой кафтана и число на нем пуговиц возводят на степень догмата веры. ...В иноземной одежде, даже в бритые бороды ереси не видал, говоря, что Бог не на одежду смотрит, а на душу» (2; 169). Далекий Патап Максимыч и от предрассудков старообрядческой веры: «С бритоусом, с табашником, щепотником и со всяким скобленным рылом не молись, не водись, не дружись, не бранись» (2; 13). Со снисхождением, а порой и с иронией относится Чапурин к вопросам об австрийском священстве. Едкие характеристики звучат из уст Патапа Максимыча в адрес нового священства: «Архиереи каких-то, пес их знает, насвятили! Нам бы хоть немудреного попика да беглого, и тем бы довольны остались. <...> Что нам с архиереями-то делать?.. Святости, что ли, прибудет от них, грешить меньше станем, что ли?..» (3; 32). Чапурин не придает важного значения спорам о принятии нового архиерейства, от которых мало что изменится в сущности веры. Единственное, что вызывает его неприятие, – падение нравов в обществе, разложение основ веры, смена дониконовского уклада новым. Отсюда порой звучит в словах Чапурина ирония по отношению к скитам: «В скитах завсегда грех со спасеньем по-соседски живут» (2; 15). Под впечатлением от знакомства с игуменом Красноярского скита Михаилом, который оказался фальшивомонетчиком, Патап Максимыч дает крайне резкие характеристики «ревнителям древнего благочестия»: «Пустосвяты они, дармоеды, больше ничего! <...> Кто в скитах живет?.. Те, что ли, про которых в твоих “Патериках” писано?.. Постники?.. Подвижники?.. Земные ангелы?.. Держи карман!» (3; 344). Такая противоречивость в оценках старообрядцев (с одной стороны, они хранители старины, старинного уклада, с другой – внешнее благолепие в скиту) может объясняться тем, что в период гонения на старообрядческие скиты они вынуждены были искать богатых благодетелей, налаживать связи с верхушкой купечества, а вследствие этого прощать за пожертвования монастырю любые грехи, чем портили свою репутацию как центров веры.

В романе прослеживается мысль о том, что все меньше остается исконных старообрядцев, вымирают одни скиты, другие сдаются, отрекаясь от старой веры, а новое поколение совсем забыло веру своих дедов (2; 52–53). Негативно в романе показаны некоторые представители молодого поколения старообрядцев. Алексей Лохматый, воспользовавшись помощью Чапурина, богатством Марьи Гавриловны, вырывается в высшее купечество, но при этом нарушает Божьи законы, приносит несчастье семье Чапурина, разоряет Марью Гавриловну, теряет уважение к родителям-беднякам, отрывается от родных корней. Также новые «образованные старообрядцы» из столицы Снежковы своими нравами вызывают ужас и неприятие у всей семьи Чапурина. В молодом Снежкове нет внутренней веры, и это отталкивает: «Покаемся, Бог даст успеем умолить создателя... А некогда да недосуг, праведников да молитвенников попросим. Они свое дело знают – разом замолят грех» (2; 160).

Патриархальный мир старообрядцев в романе многогранен. П. И. Мельников-Печерский, с одной стороны, хотел показать все хорошее, что есть в старообрядчестве, – особый взгляд на русскую культуру, чуждую Западу, традиции, духовные ценности, которые находятся вне времени и вне принадлежности именно старообрядцам. С другой стороны, автор не оставил без внимания негативные стороны старообрядчества, такие как мертвые догмы, церковно-иерархическую систему, разлагающую основы веры старообрядцев. Патриархальный мир старообрядцев, опоэтизированный преданиями о древнерусских святынях и подвижниках, – мир, постепенно уходящий в прошлое. Отсюда сожаление и горечь в романе, выраженные устами Манефы: «...пустынные наши места – возвестят они тебе славу Божию, в преподобных отцах явленную... <...> Яко крин, процветала пустыня наша, много в ней благодати было явлено... А теперь всему приходит конец!..» (3; 213). Автор все же возлагает надежды на сохранение духовных ценностей патриархального мира благодаря тем представителям общества, которые воплощены в положительных образах романа.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 годы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 2. С. 8. (Далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский Л. А. Три еретика. Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. М.: Книга, 1988. 352 с.
2. Боченков В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев: Маргарит, 2008. 348 с.
3. Боченков В. В. «А главный оплот будущего России все-таки вижу в старообрядцах»: Новый взгляд на старообрядчество в творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. М.: Языки славянских культур, 2010. Вып. 4. С. 428–449.
4. Гневковская Е. В. Мастерство романиста П. И. Мельникова – Андрея Печерского (Диалогия «В лесах» и «На горах»: характерология, художественное пространство и время): Монография. Н. Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2003. 200 с.

5. Дергунова Н. Г. Православные ценности в художественном воплощении в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» // Русское православие как основа сохранения национальной идентичности. XVI Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород, 2007. С. 299–302.
6. Кудряшов И. В., Курдин Ю. А. Дилогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского. Арзамас: АГПИ, 2004. 304 с.
7. Лотман Л. М. Мельников-Печерский // История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 9. Ч. 2. С. 198–227.
8. Соколова В. Ф. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Очерк жизни и творчества. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1981. 191 с.
9. Соколова В. Ф. История Керженских и Чернораменских скитов и ее воспроизведение в творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы. М., 1997. С. 181–183.
10. Тарасова С. А. Поэтико-аксиологический аспект творчества П. И. Мельникова-Печерского: на материале дилогии «В лесах» и «На горах»: дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2009. 202 с.
11. Усов П. С. П. И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П. И. Полное собрание сочинений: В 17 т. СПб.: М., 1897. Т. 1. 324 с.
12. Царегородцева С. С. Старообрядчество в романах П. И. Мельникова-Печерского и Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 34–41.

Alekseeva L. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PATRIARCHAL WORLD OF RUSSIAN OLD BELIEF IN MELNIKOV-PECHERSKY'S PERCEPTION (BASED ON THE NOVEL "IN THE WOODS")

The image of the patriarchal world, which was according to Melnikov-Pechersky's mature works personified in Old Believers, is studied. In his novel, P. I. Melnikov-Pechersky partially diverges from the longstanding satirical tradition of the Old Believer's representation. The dual nature of the author's views is reflected with the help of featured materials. The dual nature of the author's views is expressed through his aspiration to reveal both positive and negative sides of the Old Belief. The novel promotes the author's idea about the need to preserve cultural wealth, traditions, and beliefs of the ancestors. The idea is supported by portrayal of positive images of Old Believers and description of their lifestyle, which they practiced in small monasteries and in the world. The conclusion is that the patriarchal world presented in the novel is a special world retreating into the past. P. I. Melnikov-Pechersky warns of possible despiritualization and rests his hopes on conservation of careful attitude toward Russian ancient culture so inherent to Old Believers.

Key words: P. I. Melnikov-Pechersky, Russian Old Belief, traditions, spiritual values, patriarchal world

REFERENCES

1. Anninskiy L. A. *Tri eretika. Povesti o A. F. Pisemskom, P. I. Mel'nikove-Pecherskom, N. S. Leskove* [Three heretics. Stories about A. F. Pisemsky, P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 352 p.
2. Bochenkov V. V. *P. I. Mel'nikov (Andrey Pecherskiy): mirovozzrenie, tvorchestvo, staroobryadchestvo* [P. I. Melnikov (Andrey Pechersky): ideology, creative work, the Old Belief]. Rzhev, Margarit Publ., 2008. 348 p.
3. Bochenkov V. V. "And I see the main stronghold of the future of Russia in the Old Believers": New view on the Old Belief in P. I. Melnikov-Pechersky's creative work ["A glavnyy oploz budushchego Rossii vse-taki vizhu v staroobryadtsakh": Novyy vzglyad na staroobryadchestvo v tvorchestve P. I. Mel'nikova-Pecherskogo]. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)* [The Old belief in Russia (17–20th centuries)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. Is. 4. P. 428–449.
4. Gnevkovskaya E. V. *Masterstvo romanista P. I. Mel'nikova – Andrey Pecherskogo (Dilogiya "V lesakh" i "Na gorakh": kharakterologiya, khudozhestvennoe prostranstvo i vremya)* [The craftsmanship of the novelist P. I. Melnikov – Andrey Pechersky (The diology "In the woods" and "On the mountains": characterology, art space and time)]. N. Novgorod, Vektor TiS Publ., 2003. 200 p.
5. Dergunova N. G. Orthodox values in the artistic realization in P. I. Melnikov-Pechersky's novel "In the Woods" [Pravoslavnye tsennosti v khudozhestvennom voploshchenii v romane P. I. Mel'nikova-Pecherskogo "V lesakh"]. *Russkoe pravoslaviye kak osnova sokhraneniya natsional'noy identichnosti. XVI Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya* [Russian Orthodoxy as basis of preservation of national identity. The 16th Christmas orthodox and philosophical readings]. N. Novgorod, 2007. P. 299–302.
6. Kudryashov I. V., Kurdin Yu. A. *Dilogiya "V lesakh" i "Na gorakh" v kontekste tvorchestva P. I. Mel'nikova-Pecherskogo* [The diology "In the woods" and "On the mountains" in the context of P. I. Melnikov-Pechersky's creative work]. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute's Publ., 2004. 304 p.
7. Lotman L. M. Melnikov-Pechersky [Mel'nikov-Pecherskiy]. *Istoriya russkoy literatury* [The history of Russian literature]. Moscow; Leningrad, 1956. Vol. 9. Part 2. P. 198–227.
8. Sokolova V. F. *P. I. Mel'nikov (Andrey Pecherskiy): Ocherk zhizni i tvorchestva* [P. I. Melnikov (Andrey Pechersky): Life and creative work's sketch]. Gorky, Volgo-Vyatka Publ., 1981. 191 p.
9. Sokolova V. F. The history of Kerzhensky and Chernoramensky monasteries and its reproduction in P. I. Melnikov-Pechersky's creative work [Istoriya Kerzhenskikh i Chernoramenskikh skitov i ee vosproizvedenie v tvorchestve P. I. Mel'nikova-Pecherskogo]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [The Old Belief: history, culture, present]. Moscow, 1997. P. 181–183.
10. Tarasova S. A. *Poetiko-aksiologicheskiy aspekt tvorchestva P. I. Mel'nikova-Pecherskogo: na materiale dialogii "V lesakh" i "Na gorakh"*. Diss. kand. filol. nauk [Poetico-axiological aspect of P. I. Melnikov-Pechersky's creative work: on a diology material "In the woods" and "On the mountains". Ph.D. filol. sci. diss.]. Michurinsk, 2009. 202 p.
11. Usov P. S. P. I. Melnikov: his life and literary activity [P. I. Mel'nikov, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost']. *Mel'nikov P. I. Polnoe sobranie sochineniy: V 17 t.* [Melnikov P. I. Full complete works: In 17 vols.]. St. Petersburg; Moscow, 1897. Vol. 1. 324 p.
12. Tsaregorodtseva S. S. The Old Belief in the novels of P. I. Melnikov-Pechersky and G. D. Grebenshchikov [Staroobryadchestvo v romanakh P. I. Mel'nikova-Pecherskogo i G. D. Grebenshchikova]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Altai texts in Russian culture]. Barnaul, 2004. Is. 2. P. 34–41.

Поступила в редакцию 13.11.2013